

Владелец Юй выпил чай и ушел. Хань Чжоу открыл принесенную им коробку и увидел две рамки из неокрашенного дерева, простые и универсальные.

Он почувствовал легкое волнение, подошел к столу, открыл ящик и увидел, что там лежит аккуратный набросок.

Хань Чжоу посмотрел на свою руку, нарисованную слишком большой, и снова покраснел.

Чувства — это такая вещь, которую лучше не анализировать. Чем больше думаешь, тем больше привязываешься, и в какой-то момент даже то, что не нравилось, начинает нравиться.

С того момента, как Хань Чжоу решил попробовать, его симпатия начала расти, как сорняк, который расцветает при малейшем солнечном свете.

Последние дни он постоянно заходил в офис, открывал ящик и тайком улыбался, глядя на рисунок.

Еще ничего не случилось, а он уже такой. Что же будет потом?

Хань Чжоу провел пальцем по подписи «Цзинь Шуань» в углу наброска, вздыхая и глупо улыбаясь.

Перед тем как отправиться домой, он, как всегда, зашел в магазин за продуктами по просьбе матери. Обычно его родители возвращались с туристических поездок, и Хань Чжоу, желая облегчить им усталость, сам брал на себя заботу о новогодних покупках.

Когда он вернулся домой, его родители и брат сидели в гостиной и смотрели телевизор. Хань Дун, увидев его, бросил неодобрительный взгляд, а отец с улыбкой подошел помочь с пакетами:

— Зачем ты снова что-то купил? У нас уже некуда складывать. Вы с братом что, в новом году не собираетесь покупать продукты?

— Спроси свою жену, мою дорогую матушку. Это она велела мне купить, — ответил он, разуваясь и посылая матери воздушный поцелуй.

Мама Хань бросила на него недовольный взгляд, развернула конфету и сказала:

— Твой брат только что сообщил, что ты собираешься сегодня вечером в гости.

— К другу, — Хань Чжоу вымыл руки и сел рядом с матерью. — У него никого нет, и это печально. Я поемпельменей, посмотрю с вами новогодний концерт, а потом уйду. Ничего страшного.

— Просто будь осторожен, — мама Хань вздохнула. — Мы не хотим вмешиваться, но надеемся, что ты пойдешь обычным путем, сможешь жить обычной жизнью.

— А что в этом необычного? — Хань Чжоу взял горсть семечек и начал их щелкать. — Я просто завел друга. Вы слишком усложняете. Все в порядке.

— Мама, видишь, как он уходит от ответа? — Хань Дун выпрямился, отложив подушку в сторону. — Хань Чжоу, ты можешь честно сказать, что между вами только дружба? Ты действительно ничего к нему не чувствуешь?

— Конечно чувствую. Иначе разве я бы интересовался, сколько у него осталось родственников или как он проведет Новый год? Я же не благотворительная организация, — Хань Чжоу, щелкая семечки, смотрел на телевизор, внешне спокойный, но внутри его сердце бешено колотилось. Он не только смущался, но и злился.

Последние дни он понял, что его брат создал целый альянс, чтобы остановить его. Он не мог не злиться, и хотя между ним и Цзинь Шуанем еще ничего не было, он хотел ответить Хань Дуну, чтобы выпустить пар.

Он выплюнул шелуху и, не отрывая взгляда от экрана, сказал:

— Брат, может, ты сначала разберись с собой? Не навязывай другим то, чего сам не хочешь.

— Боже, ты что, признаешься нам? — Хань Дун открыл рот от изумления, даже на мгновение застыв. Затем он посмотрел на мать, сидящую между ними:

— Мама, папа, скажите что-нибудь ему!

Хань Чжоу продолжал щелкать семечки, не решаясь повернуть голову, и ждал, что скажет мать.

Мама Хань, казалось, была в замешательстве, но отец подошел и сел рядом с Хань Чжоу, положив руку ему на плечо:

— В последние дни твой брат рассказал нам кое-что. Сегодня ты стал на год старше, и мы не можем всегда тебя контролировать. Но, сынок... Мы боимся, что ты пожалеешь.

— Мы знаем, что ты все обдумываешь, но иногда мысли бывают наивными. И это не только твоя черта, даже самые зрелые люди иногда бывают неопытными. Мир меняется быстрее, чем ты думаешь. Никто не может предсказать, будет ли после ясного неба гроза. Сегодня люди относятся к тебе хорошо, но завтра они могут изменить свое мнение, увидев твою непохожесть. Многие прошли через это десятилетия назад. Сегодня общество стало более открытым, но оно все еще не полностью принимает однополые отношения. Нестандартный путь всегда несет больше рисков.

— Папа... — Хань Чжоу почувствовал, как комок подступил к горлу. Отцовские слова были мягкими, они оставляли ему выбор, но это только усиливало его чувство вины.

Он сжал семечки в руке, чувствуя, как они впиваются в ладонь, и опустил голову, не в силах сдержать эмоций.

Через некоторое время он поднял глаза и сказал:

— Я знаю, что вы желаете мне добра... Я не говорю, что обязательно пойду этим путем, но что бы ни случилось, я смогу защитить себя... Правда.

Его голос дрожал, слезы наворачивались на глаза. Хотя между ним и Цзинь Шуанем не было глубоких чувств, он чувствовал себя обиженным и виноватым.

Глаза горели, слезы катились по щекам, пока мать не протянула руку и не накрыла его ладонь своей теплой рукой.

Мама Хань похлопала его по руке и сказала:

— Мы просто хотим, чтобы ты был счастлив и здоров. Но если однажды тебе будет больно, не бойся, мы всегда будем рядом.

Мама Хань приготовила обильный и вкусный ужин, и вся семья собралась за круглым столом, чтобы посмотреть новогодний концерт.

Хань Чжоу поднял бокал красного вина и чокнулся с каждым. Обычно он пил с другими, и не всегда это было радостно. Но сегодня он был искренне счастлив. Семья всегда вызывала у него теплые чувства, и хотя он не любил сентиментальности, сейчас единственным выражением его эмоций было: «Все в вине».

В полночь прозвучали новогодние колокола, Хань Чжоу с энтузиазмом поздравил родных и раздал красные конверты. Родители, видимо, чтобы не смущать его, после поздравлений сразу ушли спать.

По традиции в тридцатый вечер все огни в доме горели ярко.

Хань Чжоу вернулся в свою комнату, включил воду на средний напор и старался мыться как можно тише. Он выпил много вина, и его зубы, губы и язык были окрашены в фиолетовый цвет. Чистя зубы, он потратил на это несколько минут больше, чем обычно.

Он провел рукой по запотевшему зеркалу и увидел свое напряженное лицо с чуть фиолетовыми губами.

Он действительно нервничал. Мысль о том, что скоро он окажется наедине с Цзинь Шуанем, заставляла его сердце бешено биться.

Когда он доставал белье из шкафа, его взгляд упал на трусы, подаренные Цзинь Шуанем. Он немного подумал, потом надел их.

Боже, какой же он дурак! В канун Нового года он идет к мужчине, с которым у него ничего нет, и специально надевает подаренные им трусы, предварительно помывшись. Это ли не поведение настоящего «прямого» парня?

Хань Чжоу прикрыл лицо руками, быстро оделся и тихо вышел из комнаты.

У двери он услышал кашель и обернулся. Это был Хань Дун.

Хань Дун стоял на лестнице, смотря на него сверху вниз, и достал из кармана красный конверт:

— Ты все понимаешь. Родители не хотят, чтобы ты так поступал, ты это знаешь.

— Брат, — Хань Чжоу взял конверт, подержал его в руках и положил в карман. — С Новым годом. Ложись спать.

С этими словами он спустился вниз. В канун Нового года улицы были ярко освещены, но такси было трудно найти. Алкоголь начал действовать, и его тело горело, стоя на холодном ветру.

В полночь он уже отправил поздравления в групповом чате, но сейчас ему было не до чтения сообщений. Он сел на заднее сиденье такси и среди сотен уведомлений нашел диалог с Цзинь Шуанем.

<http://bllate.org/book/15564/1415539>